

УДК 008+72.06+72.01
ББК 71.0+85.11+85.128+88.4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Т. В. Чапля
г. Новосибирск, Россия

ВЛИЯНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВ НА КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИУМА

Аннотация: В статье проведен анализ особенностей восприятия пространства и влияния его параметров на способы поведения человека в разных типах пространств, выражающегося в коммуникативных практиках социума. Проводится мысль, что рождение человека предполагает его позиционирование в определенном пространстве, связанное с размещением его тела. Освоение пространства с момента рождения связано с проблемами ориентации в пространстве и идентификации с определенными местами и путями их достижения. В статье сделан вывод, что коммуникативные практики составляют ядро социального пространства, включая в себя обмен информацией, систему действий, направленных на других людей и лежащих в основе социальной дифференциации общества. Проведен анализ влияния архитектурного пространства на поведение индивида как на уровне «пространства-места», связанного с домом, рабочим местом, так и «пространства-пути», связанного с необходимыми перемещениями индивида во внешнем пространстве — улицы, города и т. п. Исследование основано на разграничении личного и публичного пространств, сделан вывод, что коммуникативные практики, возникающие в пространстве частных отношений, более регламентированы, чем в публичном. В итоге человечество сформировало архетипы поведения, связанные с определенным типом пространства: архетип улицы, двора и т. д., выражением этого служит этикет. В итоге утверждается, что коммуникативные практики напрямую связаны с формами и типами пространства, в котором они протекают, и на основе этого формируются определенные типы поведения, отражающие позиционирование индивидов в среде.

Ключевые слова: пространство, коммуникация, социум, поведение, архитектура.

Информация об авторе: Татьяна Витальевна Чапля — доктор культурологии, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Вилюйская, д. 28, 630126 г. Новосибирск. Россия. E-mail: Chap_70@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.09.2018

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Чапля Т. В. Влияние архитектурного и социального пространств на коммуникативные практики социума // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 71–85.

Исследование принципов и способов организации пространства, а также его влияния на человека, его поведение и характер и способ взаимодействия привело к тому,

что в 1970-х гг. сформировались три слоя в определении того, что есть пространство. В. И. Иовлев к таковым причисляет: онтологический, гносеологический и психологический, которые стали концептуальным основанием для разграничения реального, перцептуального и концептуального пространств. Первое служит основой или оболочкой для двух других, связанных с процессами осмысления и восприятия. Изучением пространства с позиций выявления отношений, протекающих в нем, занимались в основном социологи, из чего родились концепции социального пространства (П. Бурдьё, П. А. Сорокин, Г. Зиммель, А. Лефевр, А. Ф. Филиппов и др.). Соединению процессов физической организации пространства и системы отношений, формируемых им, посвящены работы А. В. Иконникова, В. В. Шилина, А. В. Крашениникова, А. Г. Большакова, А. А. Ануфриева и др. Недостаточно внимания исследователи уделяют проблемам влияния пространства материального окружения, его форм и размеров на характер и способы взаимодействия людей и тем коммуникативным практикам, которые возникают в разного типа пространствах. В рамках аналитического подхода пространственное окружение делится на «пространство восприятия, которому противостоит человек, как субъект, наделенный чувственным восприятием, и пространство действия, которому противостоит человек как источник определенного образа поведения. Социальную среду <...> можно поделить на институциональную сферу, которая представляет собой социокультурный мир в его совокупности и общественные subsystemы, такие как семья, соседство, круг друзей и знакомых, или чиновничество, рабочая организация, политическая система и т. д.» [7, с. 84]. Именно институциональная система оказывает влияние на каждого из нас в процессе социализации, в ходе которого индивид знакомится и осваивает некие шаблоны поведения и воспринимает присущую ему систему социальных ролей. Два процесса: восприятие пространства и восприятие пространственных отношений, а также момент межличностного взаимодействия — объединяют в одной точке как процесс ожидания определенного типа поведения (как набора определенного вида действий), так и процесс коммуникативного взаимодействия (обмена определенной информацией). Реализация данных процессов происходит в ситуациях повседневной жизнедеятельности — сон, прием пищи, т. е. наших повседневных практиках. Следовательно, понимание того, как формируется и вокруг чего выстраивается эта система пространств, является актуальной и довольно сложной проблемой, решение которой могло бы помочь наиболее эффективно не только организовывать пространство вокруг себя, но и выстраивать сеть отношений с другими людьми, решая свои личностные проблемы и удовлетворяя свои потребности и желания.

В связи с этим целью статьи является анализ особенностей восприятия пространства и влияния его параметров на способы поведения человека в разных типах пространств и коммуникативных практик социума.

Изначально существование человека связано с его позиционированием в нескольких пространствах: коммуникативном (социальном), когнитивном, физическом (архитектурном) и его более широким выражением — средой.

Первое, с чем сталкивается субъект с момента своего рождения, — это пространство, связанное с положением тела, его размещением в мире. Появление на свет можно рассматривать как заполнение пространства нашим телом и его соположение с другими телами и другими предметами. «Первичное пространство может быть описано как часть некой поверхности и пространства над ней, в котором может осуществляться движение человеческого тела — пространство пребывания» [26, с. 38]. Через познание

организации данного типа пространства субъект получает повседневный опыт своих размещений, положений и перемещений.

Процесс освоения пространства и осознание своего места в нем связан с возможностями ориентации в пространстве, с идентификацией себя с определенными местами и путями их достижения. Для этого субъект «выделяет элементы ориентации: центры достижимости социокультурных благ (места близости), направления или пути (длительности), зоны (пространства владения). Концепция места включает представления об основных ориентациях: вертикаль и горизонталь, внутри и снаружи, спереди и сзади, справа и слева» [23, с. 52].

Формирование представлений о пространстве происходит в процессе его переживания. Первыми способами освоения пространства служат моторика и зрение, в его топологическом и метрическом измерениях. М. Д. Ахундов выделяет три этапа в формировании восприятия пространства. Первый — это постепенное увеличение размерности видимого пространства. «Первоначально ребенок сталкивается с образом нерасчлененной аморфной непрерывности, затем начинает выделять движущийся объект (причем движущийся прерывно, толчкообразно). Это первоначальное восприятие есть лишь отражение границы, перерывов между сплошной пространственной массой и отдельным предметом, выделившимся из нее посредством движения, то есть мы сталкиваемся фактически с одномерным образом, с контуром движущегося объекта. Далее следует этап более емкого восприятия внешних объектов, но на одной плоскости, без перспективы — это уровень двухмерного пространства. И, наконец, на уровне сенсомоторной организации создается трехмерное восприятие» [3, с. 27].

Второй этап связан с расширением пространства по причине перехода ребенка от концентрации на уровне рта к динамике движений конечностей тела, в первую очередь рук, и процесса аккомодации глаз. Как только к органам чувств подключается слуховой аппарат, у ребенка формируется установка на невидимое пространство.

На третьем этапе формируется представление о едином пространстве «в рамках сенсомоторного интеллекта. Именно на этом уровне происходит вычленение как некоего инварианта и образование элементарных пространственных систем на основе координации зрения и хватательных движений <...>. Если сенсомоторный интеллект работал только на реальном материале, на коротких расстояниях между субъектом и объектом в рамках близкого пространства, то понятийный интеллект стремился охватить весь окружающий мир в целом — происходит бесконечное расширение пространственных расстояний между субъектом и объектом» [3, с. 29].

Восприятие видимого пространства можно описать как постепенную привязку к опыту неких событий, происходящих с телом человека, которые закрепляются в памяти субъекта и становятся основой для формирования образов среды своего окружения. Как только у ребенка закрепляется образ пространственного размещения предметов вокруг, он становится способен легко и быстро передвигаться и доставать нужный ему объект. Как только образ знакомого окружающего пространства закрепляется в сознании у ребенка, формируется чувство комфорта и безопасности, и он выстраивает гармоничные отношения с домашней средой. «Но упорядоченное окружение содержит в себе и нечто большее. Оно может служить широчайшей системой отнесения, организующей деятельность, представления или знания» [13, с. 17].

Таким образом, можно констатировать, что пространственный опыт складывается у человека благодаря получению и закреплению опыта взаимодействия с предметами, которые помогают ориентироваться в пространстве. Вслед за А. В. Ярмоленко

можно констатировать, что пространственные представления формируются у человека по двум типам: «...как карта пути: последовательное представление передвижения в данном пространстве, где исходным является сам движущийся человек и все точки представляемого пространства соотносятся с этим движущимся центром, координируется с ним <...>; как карта-обозрение: одновременное единое представление системы различных пространственно размещенных и соотнесенных предметных компонентов, образующих координированное пространственное единство» [16, с. 69].

Еще один аспект освоения пространства связан с приобретением ментального опыта в процессе социализации и массовой коммуникации, в ходе воспитания и получения образования. По мере накопления опыта социальных взаимодействий у индивида формируется когнитивный опыт (когнитивная карта), позволяющая конструировать на основе полученной информации свой образный, визуальный мир и способы активного взаимодействия с ним. Основу когнитивной карты составляют типизированные знания, ставшие ядром человеческой личности, благодаря процессам интериоризации, и составляющие часть общекультурного опыта. Параллельно с приобретением знаний каждый из нас получает и опыт разного вида взаимодействий с другими людьми, что в совокупности образует личность как часть определенного общества и культуры. «Человек является субъективной предпосылкой и продуктом социальной коммуникации, в ее процессе происходит воспроизводство социума как вторичной, по отношению к природе, среды обитания человека» [19, с. 117].

Процесс освоения окружающего пространства и норм поведения в нем предполагает, что субъект по мере осознания своих нужд и потребностей, отбирает и дифференцирует среду, наделяет ее определенным значением (ребенку помогают в этом взрослые на первых этапах развития). В итоге у каждого из нас в сознании складываются определенные шаблоны видения, которые, с одной стороны, облегчают процесс взаимодействия со средой и в среде, а с другой — начинают ограничивать круг видимого, заставляя вычленять в пространстве только то, что признано важным и полезным. «Расширить и углубить восприятие окружения — значит продолжить долгую биологическую и культурную эволюцию, в которой произошли уже переходы от контактного чувства осязания к дистанционному зрению и слуху, а от этих дистанционных чувств — к символической коммуникации» [13, с. 24]. Как было отмечено А. В. Харламовым, в этом случае субъект может воспринимать и оценивать социальные отношения как свои или чужие. «Участники социального взаимодействия, — отмечает А. В. Харламов, — могут оказаться в ситуации отчуждения вследствие того, что ими утрачивается способность воспринимать привычные формы взаимоотношений как “свои”» [22, с. 136].

В итоге, ядро социального пространства составляют коммуникативные практики, лежащие в основе и составляющие содержание разного рода взаимодействий между субъектами. «Коммуникативные практики — социально-значимые действия, направленные на передачу актуальной информации, характеризующиеся целерациональным воспроизведением коммуникативных отношений, релевантных определенному социальному контексту» [19, с. 117–118]. Именно система образования призвана аккумулировать тот социально-значимый объем информации, который подлежит передаче, актуализации в непосредственном жизненном опыте и в системе обучения. В дальнейшем на протяжении всей своей жизни отдельно взятый индивид, находясь в процессе непрерывной социализации, пополняет этот багаж своих взаимодействий с другими людьми,

чтобы быть успешным и востребованным в обществе. «Таким образом, практики можно рассматривать как сознательную, ценностную, интенциональную и социально регламентирующую активность, направленную на передачу социально значимой информации, структурированную в пространстве и во времени, специально организованной и сопровождающейся постоянным воспроизведением коммуникаций разного уровня» [8, с. 134].

Коммуникативные практики можно считать составляющими более широкого поля — социального, которое включает в себя, помимо передачи информации, систему определенных действий, направленных на других людей и которые составляют основу социальной регламентации. Большинство контактов повседневной жизни протекает у нас face-to-face, в синхронном взаимодействии, предполагающем единство места и времени. Именно такого типа взаимодействия сформировали в течение истории общества дистанции, управляющие нашим поведением и расположением в пространстве. Э. Холл впервые выделил четыре типа дистанций взаимодействия. Интимная дистанция характеризуется расстоянием 30–45 см. На таком расстоянии происходят контакты между родителями и детьми, влюбленными людьми. Вторая дистанция — 45–120 см — это личная дистанция, присущая отношениям друзей, близко знакомых людей. Третья дистанция — 120–360 см — относится к социальным контактам, присущим, например, отношениям между начальником и подчиненными. И самая большая, публичная дистанция — более 360 см — присуща нашим публичным контактам в театре, на встречах с ораторами, на проповеди в храме. Таким образом, в зависимости от того, как человек научится прочитывать эти расстояния и типы отношений, формируемые ими, он сможет навязывать своему окружению определенные карты поведения и характер взаимоотношений.

Каждый индивид имеет когнитивную карту или пространственную схему своего окружения, которая управляет его поведением. «Человек, не имеющий правильной схемы — карты своего окружения, испытывает чувство потерянности в среде, приводящее к серьезным стрессовым ситуациям. Карты не должны быть точной копией реальности, напротив, их структура должна быть гибкой, обладающей определенным числом степеней свободы, что связано с субъективным характером отражения среды в когнитивных картах» [27, с. 158].

Помимо размеров дистанции взаимодействия, большое влияние на их характер оказывают и пространственные параметры. «Пространственные условия становятся ареной целенаправленных манипуляций, направленных на стимулирование взаимодействия или на то, чтобы помешать этому взаимодействию, затруднить его. <...> В английском пабе посетители сидят на высоких стульях-табуретках за общей стойкой, которая тянется вдоль бара, и это способствует тому, что между незнакомыми людьми завязываются разговоры» [25, с. 69].

Такого рода непосредственные контакты «лицом-к-лицу», по мнению Э. Гидденса, связаны и с определенной пространственной фиксацией тела, его ориентацией относительно другого/гих участника/ов. Причем центром притяжения оказываются не только слова и действия, но и само лицо. «У человеческих существ лицо является не только непосредственным физическим источником речи, но и основной зоной тела, на которой отражены лабиринты опыта, чувств и намерений» [8, с. 119–120]. Минимальной единицей нашего соприсутствия в пространстве может служить комната, но если в доме проходит прием гостей, то, как правило, пространство такого соприсутствия увеличивается до размеров всего дома. Но, покидая свой дом или пределы помещения,

мы оказываемся в ситуациях мало контролируемого соприсутствия — пространство улицы, общественных помещений, где не всегда возможно обозначить границы нашего физического соприсутствия. Подобные ситуации имеют свободную и скоротечную форму взаимодействий, например, обмен приветствиями, взглядами, улыбками в коридоре, мимоходом. Как замечает Гидденс: «...пространственное расположение может быть эффективно организовано только в рамках “непринужденной беседы” — на небольшом расстоянии друг от друга, дабы не было необходимости кричать, и не слишком близко, чтобы невозможно было наблюдать за стандартным выражением лица, помогающим контролировать искренность и достоверность произносимого. Взаимодействия лицом к лицу в ситуации соприсутствия других практически всегда характеризуются определенным обособлением тела от тех, кто не является их участником. При этом пространственное расположение тел таково, что любые физические барьеры, препятствующие свободному обмену взглядами или визуальному контакту, отсутствуют» [8, с. 126].

Жизнь каждого из нас связана с постоянно расширяющимися границами пространств, в пределах которых мы вынуждены существовать, с которыми мы по мере взросления начинаем себя соотносить: пространство комнаты, дома, работы, города, страны и т. д. «Присвоенное пространство есть одно из мест, где власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое или незамечаемое насилие: архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу, владеют им совершенно так же, как этикет дворцовых обществ, как реверансы и уважение, которое рождается из отдаленности <...>, точнее их взаимного отдаления на почтительную дистанцию. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально размеченным и сконструированным» [6, с. 52–53]. При этом наши знания о мире и о правилах поведения в разных его местах у нас гораздо шире собственного опыта, благодаря образованию и социализации, что позволяет нам находить правильные варианты позиционирования себя в незнакомой среде. Овладение такими способами поведения в среде можно считать картами поведения, соответствующими каждому субъекту в отдельности, так как опыт перемещений у каждого свой. Важно заметить, что формирование подобных карт поведения включает два разнонаправленных процесса. С одной стороны, это момент, связанный с дроблением знакомого с детства пространства своего дома: зонирование внутренних помещений и доступ к ним разных членов семьи. Процесс осознания человеком права на свое личное пространство нашел выражение в выделении отдельных комнат для каждого члена семьи, представляющих зону личного пространства, проникновение в которое возможно только с разрешения его владельца и общего пространства дома: кухня, гостиная, коридор, ванная, туалет. Это привело к формированию определенного уклада жизни семьи, где ее члены научаются строить свои траектории таким образом, чтобы не вторгаться в личное пространство каждого и координировать свои действия с распорядком жизни других. То есть дом, можно считать, «местом получения первых жизненных впечатлений; <...> он является пространством, в пределах которого человек впервые осознал среду своего окружения, где, прежде всего, под влиянием семьи, протекала его социализация и где происходило усвоение специфических норм данной культуры по отношению к пространству» [9, с. 106].

С другой стороны, это расширение личного пространства, связанное с необходимостью покинуть дом, участие в организации и функционировании внешнего социального пространства. Организации различных сегментов социальной жизни (поход на работу, в школу) можно рассматривать как способ систематизации и дисциплиниро-

вания общества. Одной из форм, явно оказывающих дисциплинирующее воздействие на личность, на ранних этапах ее формирования являются школы. Это можно проследить как на уровне организации пространства (разделение на классные комнаты, расстановка парт в строго организованные ряды), так и на уровне организации процесса обучения (расписание), и разграничения пространства по его функциональной принадлежности: классы, помещения для торжественных церемоний, комнаты для кружков, лаборатории и т. п. Внутри отдельных классных комнат расстановка парт строго по рядам способствовала появлению индивидуальных мест учеников, это «сделало возможным контроль за каждым и одновременную работу всех. <...> Школьное пространство стало функционировать как механизм обучения, но также надзора, иерархизации и вознаграждения» [21, с. 215]. Все это, по словам Гидденса, приводит к контролю над позициями тела, его движениями и жестами. «В XVIII столетии во Франции и в ряде других стран классы делились на четко разграниченные ряды и были обособлены друг от друга системой сообщающихся коридоров. Пространственное деление дополняется разграничением учебных программ. Таким образом, индивиды перемещаются по сегментам пространства не только в течение дня, но и на протяжении всего процесса обучения» [8, с. 220].

Другим примером влияния архитектурного пространства на наше восприятие и поведение можно считать архитектуру залов суда. Массивные здания вызывают в нас чувства благоговения, торжества, тем самым они побуждают нас строить свое поведение, ориентируясь на интересы группы, а не на свои собственные, а отсюда и стремление общества к общественному порядку и установлению властных отношений между правящими и остальными. «Идею создания архитектуры можно представить себе как сознательно запрограммированное поведение человека, как ряд последовательно возникающих во времени эмоциональных состояний, как сложное нарастание их, образующее целостное глубинное переживание» [18; 19].

Дисциплинирующий характер архитектуры связан с ее возможностями поиграть с размерами и объемами. Все, что связано с публичными пространствами, в архитектурном выражении имеет превосходство над человеческими пропорциями, тем самым она подавляет, смиряет большие массы людей, не допуская хаоса и порождая нормативное общение, протекающее предсказуемым образом. «Где желательны комфорт и ощущение уверенности, масштаб должен быть очевидным. Обычно ступени, двери и окна окружающих зданий создают ощущение человеческого масштаба» [18, с. 94].

Используя перспективу, архитектура может формировать в нас карту передвижений или карту мест. Архитектура задает направление взгляду, и эта ось направляет взор к определенному объекту. «Являясь диктующим, не допускающим возражений планировочным элементом, ось выражает превосходство человека над природой, но в то же время и подчиняет человека сооружению, предмету или идее. Она обозначает власть, дисциплину, военное, гражданское, религиозное, верховное, образцовое и монументальное начало» [18, с. 113].

Архитектурное сооружение, вслед за Шубенковым, можно рассматривать как пространство определенных видов деятельности, локализованных в пространстве. «Для большинства зданий общественного назначения характерна особая функция циркуляции, которая предполагает две взаимосвязанные, но самостоятельные структуры, — для “своих” и “чужих”, для служащих и посетителей, хозяев и гостей» [26, с. 186].

Карта передвижений немислима без выхода во вне — на улицу, где действуют свои правила поведения и коммуникативные практики, которым человек научается сначала под присмотром родителей, затем в различных социальных группах, к которым он может принадлежать в течение своей жизни. Улицу можно рассматривать как границу между публичной и частной сферой, она связана с нашими практиками установления связей между различными местами, социальными стратами и т. п. Часть уличных мест всегда открыта для публики — магазины, кафе, рестораны; другие, несмотря на частную или личную принадлежность, создают фон улицы — фасады домов, офисов, изгородей, витрины магазинов. «Следовательно, улица формирует систему мест, расположенных вблизи друг от друга и связанных между собой с помощью практик. <...> Сама природа улицы состоит в том, что она смешивает людей и их деятельности, меняется с течением времени, переживая суточные, недельные и даже более продолжительные циклы» [20, с. 31].

Любые публичные пространства можно рассматривать в качестве «театра» городской жизни. Именно она оказывает воздействие на общественное и личное поведение человека и целых групп населения, предопределяет формы коммуникации, их эффективность и скорость протекания. М. В. Пучков считает, что публичное пространство способно стать элементом социальной сети отношений, модулятором социального поведения, только при соблюдении определенных условий: доступность, т. е. оно должно свободно совмещаться с основными картами перемещений горожан либо чем-то исключительным выделяться; безопасность — то, что обеспечивает нам физический комфорт; «оборудованность», обустроенность; возможность наблюдения, которая «предполагает наличие природных и искусственных перспектив, позволяющих горожанину-зрителю, находясь в этом пространстве, наблюдать движение людей, воды, автомобилей, природные явления (море, небо и т. д.)» [17, с. 40]. Следующее условие — возможность самопрезентации. Наиболее посещаемыми являются общественные пространства, где индивиды могут реализовывать различные практики межличностного общения либо практики демонстрации себя максимально большому количеству людей. И последнее — мультифункциональность пространства, которая означает максимальную доступность публичного пространства для максимального количества социальных групп и отдельных личностей. «Чем больше возможностей реализации различных стратегий поведения — от “самоизоляции” до максимальной включенности в социальные взаимодействия предполагает пространство, тем большим потенциалом развития оно обладает» [17, с. 42].

Так, общественные места (например, места общественного питания) способствуют ранжированию своих посетителей не только по степени их состоятельности, но и по формам общения. Расстановка мебели в местах питания, особенно в дорогих ресторанах, устроена так, что человек, посещающий их в одиночестве, будет испытывать чувство дискомфорта и поспешит его быстро покинуть или переместиться на открытые площадки для питания. «Избавление от некомфортного уюта и поиск соответствия своему положению приводит малообеспеченного или одинокого туриста, холостяка или лишённого компании посетителя к самоклассификации и размещению себя в заранее предусмотренных для его положения местах» [5, с. 5].

Аналогичные чувства восприятия публичного пространства улицы человек испытывает и находясь внутри общественного здания. Когда мы попадаем в помещение с узким длинным коридором, прерываемым рекреациями, в них всегда можно уви-

деть беседующих людей, они словно приглашают к общению. «Узкий, низкий, с мягкой текстурой стен, с переменным светом коридор для неспешного движения, как это бывает в монастырском дворе-клуатре, способен давать идущему подлинное наслаждение, тогда как ровно освещенный прямой коридор с гладкими стенами, предназначенный для быстрого перемещения множества людей, имеет прямо противоположный характер и способен уподобить даже вполне добротное здание учреждению» [11, с. 24].

Формы пространства также могут оказывать влияние на тот или иной тип поведения людей и характер их взаимодействия. Так происходит, например, когда люди сидят за круглым столом. В этом случае исчезает ощущение границы, все находится на одном уровне и поэтому обязательно начнут контактировать друг с другом, в то время как стол прямоугольной формы, рассчитанный более чем на шесть мест, будет способствовать разделению сидящих на отдельные группы. И формы коммуникативных практик вполне будут этому соответствовать: круглый стол предполагает разговор лицом-к-лицу, а формой взаимодействия скорее всего станет диалог, предполагающий равноправное участие всех беседующих субъектов, который будет носить более спокойный характер. Деление же собеседников на группы может означать возникновение противостоящих друг другу группировок, которые могут действовать более агрессивно и напористо, так как чувство локтя делает людей более активными, чем когда каждый вступает в контакт от своего имени.

Наши эмоции и поведение также зависят от размеров помещения. К примеру, чрезмерно низкие помещения могут привести к перерастанию чувства комфорта и уюта в чувство зажатости и угнетенности (человек рефлексивно начнет сутулиться и опускать голову), при нарушении размерности высоты помещений пространство от слишком большой вытянутости вверх может стать причиной возникновения чувства беспокойства. Имеет значение и расположение входа в помещение, «входя посередине одной из сторон, мы видим влекущее внутрь замкнутое пространство, но, войдя с угла, мы обнаруживаем несокрушимую благодаря симметричности, грубо противостоящую нам стену, сила которой сковывает всякую свободу личностного начала <...>» [2, с. 177].

Главное, что делает архитектурное пространство, — оно диктует настроение, а во внешнем мире — мире улицы, города — оно настраивает восприятие и диктует выбор коммуникативных практики и карт поведения. Наличие, например, пустыря за домом, вызывает разные ощущения, а вместе с ними и различные виды поведения у детей и взрослых. Дети, как категория, владеющая малым социальным опытом, которая более любознательна, будут использовать заброшенное пространство как место для игр, в то время как старшее поколение будет связывать с заброшенным местом чувство тревоги и желание покинуть это место как можно быстрее. В течение всей жизни мы тем самым формируем карты памяти, связанные с разными типами пространств и коммуникативных практик, присущих им. Подобного рода процесс связан с вопросами идентификации субъекта и поиском ответов на вопросы: «кто я?» и «где я?». Особенно остро проблема идентификации и самоидентификации личности связана с поиском пространственно-временных характеристик прошлого, отраженного в исторической памяти. В статье «Кантемиры: современность памяти» авторы отмечают, что элиминация стабильности памяти приводит к утрате и/или фальсификации ее содержания [14].

«Ощущение “где я?” называется еще чувством места и идентификацией себя с каким-либо местом. Место пробуждает в нас способность ощущать наши воспоминания, наши чувства всегда привязаны к месту. Узнаваемость места теснейшим образом связана с самоощущением. Место и событие усиливают друг друга <...>, эта

особенность нашей психики не просто помнить, а как бы все время опираться на некие устойчивые паттерны памяти, называется виртуальной реальностью» [24, с. 141]. В итоге то, что сохранилось нашей памятью из детских впечатлений, и формирует то, что становится нормой жизни и обеспечивает субъекту его устойчивость в этом мире. У большинства мест, которые запечатлелись в нашей памяти, благодаря процессу социализации, формируются свои коммуникативные практики, связанные, как правило, с функцией этого места. В результате формируется определенный репертуар практик, присущих тому или иному месту. Такого рода сценарии могут отличаться статичностью или динамичностью. Статичные места порождают коммуникативные практики, которыми человек должен овладеть и использовать в продолжение довольно длительного периода либо всей жизни: общение и поведение в ресторане, больнице и т. п. Любое отклонение от социально-признанных практик в таких местах будет вызывать протест или негодование окружающих, вплоть до применения санкций. В местах с несложившимися практиками поведения и коммуникации люди более терпимы друг к другу.

Можно констатировать, что за всю историю человечества и развития архитектуры, в рамках которой оно проживало, сложились типы архитектурных пространств с заданными программами коммуникативных практик, ставшие содержанием культурной памяти. «В городе можно представить наличие следующих архетипов: внешнее и внутреннее пространство — архетип улицы и двора; архетип места — идентификация — это мое, я здесь живу; архетип центра и окраины; архетип пространства праздника, святыни, кладбища, отдыха, развлечений и т. д.» [24, с. 174]. Выражением и подтверждением существования данных архетипов и социальных практик можно считать негласные правила этикета и дресс-кода, требуемые в определенных местах и ситуациях.

Предполагаемый выбор поведенческих и коммуникативных практик связан с возможностями места, в котором они возникают. По замечанию Дж. Голда: «В любой ситуации поведения (“среде поведения”) непосредственное участие в действе может принимать строго определенное число людей. Если численность людей в данной ситуации превышает его, считается, что среда поведения “перенаселена”, и “лишние” люди превращаются в простых зрителей, которые не принимают участия в событиях, оказываясь по отношению к ним посторонними» [9, с. 169].

Расстановка субъектов в пространстве зависит не только от степени близости их отношений, но и от принятых социальных правил в той или иной культуре. То, какое место мы займем в пространстве, зависит от того, где и как быстро мы найдем позицию, создающую нам ощущение комфорта: «Видимые дистанции оцениваются по восприятию “сил”, генерируемых ими, — поскольку мы ощущаем дистанции как отношения сил отталкивания и притяжения, нам хочется жонглировать расстоянием до тех пор, пока они не будут “как раз правильными”» [1, с. 16].

Процессы коммуникации в городской среде связаны с охватом большого количества малознакомых индивидов, что приводит к формированию разных типов коммуникативных практик: формально-деловых, связанных с необходимостью посещения различных официальных учреждений (административные службы, службы здравоохранения и т. п.), а также практик, связанных с посещением учреждений сферы услуг, транспорта, и т. п. В городе это приводит к широкому использованию безличных форм обращения «мужчина», «женщина», «уважаемый» и т. п. В рамках публичного пространства, которое, как правило, связано больше с центром города, также формируются свои коммуникативные и социальные практики взаимодействия. Г. В. Горлова делит его на группы двух видов: «будничное, прагматичное использование (работа в деловом

центре, поездки на работу или на учебу через центральные части города) и праздничное, досуговое» [10, с. 186]. В силу того, что публичное пространство изначально считается «ничейным» или «местом для всех», люди становятся более терпимы друг к другу. Чувства совместного переживания пространства постепенно формируют условия социальной жизни. Здесь можно наблюдать два противоположных процесса: с одной стороны, все, что связано с процессами создания и изменения окружающего пространства, носит коллективный характер, но с другой — переживание или присвоение пространства носит индивидуальный характер.

Публичному пространству противостоит личное или приватное пространство, которое отличается тем, что доступ в него имеет ограниченный круг лиц. Основные типы коммуникативных практик здесь — бытовые и досуговые. Контакты носят интимно-личностный характер. Территория приватного пространства связана с отдельной квартирой или индивидуальным домом. «Приватное пространство выполняет рекреационную функцию, в нем горожанин восстанавливает свои физические и психические ресурсы, освобождается от воздействия когнитивной перегрузки стимулами публичного пространства» [10, с. 194].

Приватное, личное пространство и его осмысление строится по принципу «от себя», поэтому оно эгоцентрично. Формой выражения личного пространства может быть территориальность, контролируемая субъектом в плане соблюдения норм поведения на ней, установленных самой личностью. За пределами квартиры или дома роль личного пространства могут выполнять школьная парта, полка в купе, рабочее место и т. п.

«Чувство пространства приобретает особую значимость для поддержания онтологической безопасности, ибо обеспечивает психологическую связь между биографией индивида и локальностями как средой пространственно-временных путей, по которым перемещаются индивиды» [8, с. 490].

В итоге можно сделать вывод, что социальные и коммуникативные практики напрямую связаны с формами и типами пространства, в котором они протекают. Согласно А. В. Крашенинкову, человечество выработало три способа включения пространственного окружения в сферу социальных взаимодействий: «...пространство как объект контроля и временной принадлежности людям и событиям; пространство как средство регулирования контактов между людьми (открытость – закрытость поведения; доступность – изолированность места деятельности); пространство как объект идентификации, связанный с определенными событиями, видами деятельности (как средство передачи и хранения определенного вида информации, как своеобразный язык наряду с речью, язык жестов и т. п.)» [12, с. 23–24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм. М.: Стройиздат, 1984. 192 с.
- 2 *Архитектура и антропософия.* М.: КМК, 2001. 268 с.
- 3 *Ахундов М. Д.* Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982. 224 с.
- 4 *Балыкина Г. А.* Единство ценностного и компетентностного подходов в коммуникативных практиках современного образования // Вестник ПАГС. 2008. № 1. С. 131–137.
- 5 *Бикбов А.* Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–23.

- 6 *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
- 7 *Вильковский М.* Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
- 8 *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерки теории структуриации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
- 9 *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
- 10 *Горлова Г. В.* Философия города: монография. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. 344 с.
- 11 *Дэйк К.* Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство. М.: Ладыя, 2000. 280 с.
- 12 *Крашенников А. В.* Жилые кварталы. М.: Высшая школа, 1988. 87 с.
- 13 *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
- 14 *Лойко О. Т., Дрыга С. В., Соболевская В. В.* Кантемиры: современность памяти // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 65–68.
- 15 *Новикова Е. Б.* Интерьер общественных зданий. Художественные проблемы. М.: Стройиздат, 1991. 368 с.
- 16 Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 200 с.
- 17 *Пучков М. В.* Город и горожане: общественные пространства как модератор поведения людей // Архитектон. «Известия вузов». 2014. № 45. С. 34–43.
- 18 *Саймондс Дж. О.* Ландшафт и архитектура. М.: Изд-во литературы по строительству, 1965. 193 с.
- 19 *Стриганкова Е. Ю.* Коммуникация и социализация в формирующемся информационном обществе: социально-философская рефлексия процессов взаимодействия // Вестник ПАГС. 2014. № 3 (42). С. 116–123.
- 20 *Флери А.* Улица как географический объект // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 30–36.
- 21 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2015. 416 с.
- 22 *Харламов А. В.* Информационные барьеры и социальное отчуждение в современном коммуникативном пространстве // Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. 228 с.
- 23 *Шилин В. В.* Архитектура и психология. Н. Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2011. 66 с.
- 24 *Штейнбах Х. Э., Елевский В. И.* Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004. 239 с.
- 25 *Штомпка П.* Социология. Анализ общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
- 26 *Шубенков М. В.* Структурные закономерности архитектурного формообразования. М.: Архитектура-С, 2006. 320 с.
- 27 Эстетические ценности предметно-пространственной среды. М.: Стройиздат, 1990. 335 с.

© 2019. Tatiana V. Chaplya
Novosibirsk, Russia

INFLUENCE OF ARCHITECTURAL AND SOCIAL SPACES ON COMMUNICATIVE PRACTICES OF SOCIETY

Abstract: The paper explores peculiarities of space perception and influence of its parameters on human behavior in different types of spaces, which is expressed through communicative practices of society. As the paper suggests the birth of a person implies its positioning in a certain space that is related to its body location. The space exploration starts at birth and is linked with the issues of orientation in space and self-identification with certain places and ways of reaching them. The paper arrives at conclusion that communicative practices constitute the core of social space, including the exchange of information, a system of actions directed at other people and underlying the structure of social differentiation. The paper provides analysis of the architectural space influence on individual behavior, both at the level of “space-place”, associated with home or workplace, and “space-path”, associated with necessary movements of an individual in the outer space — streets, cities, etc. The study draws upon the delineation of personal and public spaces concluding that communicative practices that emerge in the space of private relationships are regulated more strictly than ones emerging in a public space. As a result, humanity has formed archetypes of behavior connected with a certain type of space: the archetype of a street, a yard, etc. exemplified in the etiquette. The author concludes that communicative practices are directly connected to the forms and types of space in which they occur, which allows for establishing of certain types of behavior that reflect positioning of individuals in the environment.

Keywords: space, communication, society, behavior, architecture.

Information about the author: Tatiana V. Chaplya — DSc in Culturology, PhD in Sociology, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Vilyiskaya St. 28, 630126 Novosibirsk, Russia. E-mail: Chap_70@mail.ru

Received: September 10, 2018

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Chaplya T. V. Influence of architectural and social spaces on communicative practices of society. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 71–85. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Arnkheim R. *Dinamika arkhitekturnykh form* [The dynamics of architectural forms]. Moscow, Stroizdat Publ., 1984. 192 p. (In Russian)
- 2 *Arkhitektura i antroposofia* [Architecture and anthroposophy]. Moscow, KMK Publ., 2001. 268 p. (In Russian)
- 3 Akhundov M. D. *Kontseptsii prostranstva i vremeni: Istoki, evoliutsiia, perspektivy* [Concepts of space and time: Origins, evolution, prospects]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 224 p. (In Russian)
- 4 Balykina G. A. *Edinstvo tsennostnogo i kompetentnostnogo podkhodov v kommunikativnykh praktikakh sovremennogo obrazovaniia* [The unity of the

- axiological and competence-based approaches in the communicative practices of modern education]. *Vestnik PAGES*, 2008, no 1, pp. 131–137. (In Russian)
- 5 Bikbov A. Moskva/Parizh: prostranstvennye struktury i telesnye skhemy [Moscow/Paris: spatial structures and bodily schemes]. *Logos*, 2002, no 3 (34), pp. 1–23. (In Russian)
- 6 Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The sociology of social space]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteia Publ., 2007. 288 p. (In Russian)
- 7 Vil'kovskii M. *Sotsiologiya arkhitektury* [Sociology of architecture]. Moscow, Fond "Russkii avangard" Publ., 2010. 592 p. (In Russian)
- 8 Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherki teorii strukturatsii* [Structure of society: Essays on the theory of structuring]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003. 528 p. (In Russian)
- 9 Gold Dzh. *Psikhologiya i geografiya: Osnovy povedencheskoi geografii* [Psychology and geography: Fundamentals of behavioral geography]. Moscow, Progress Publ., 1990. 304 p. (In Russian)
- 10 Gorlova G. V. *Filosofiya goroda: monografiya* [Philosophy of the city: monograph]. Moscow, FORUM: INFRA-M Publ., 2014. 344 p. (In Russian)
- 11 Deik K. *Mesta, gde obitaet dusha: Arkhitektura i sreda kak lechebnoe sredstvo* [Where the soul dwells: Architecture and environment as remedy]. Moscow, Lad'ia Publ., 2000. 280 p. (In Russian)
- 12 Krashennikov A. V. *Zhilye kvartaly* [Residential area]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 87 p. (In Russian)
- 13 Linch K. *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow, Stroizdat Publ., 1982. 328 p. (In Russian)
- 14 Loiko O. T., Dryga S. V., Sobolevskaya V. V. *Kantemiry: sovremennost' pamiati* [Cantemirs: modernity of memory]. *Tsennosti i smysly*, 2018, no 1 (53), pp. 65–68. (In Russian)
- 15 Novikova E. B. *Inter'er obshchestvennykh zdaniy. Khudozhestvennye problemy* [The interior of public buildings. Artistic problems]. Moscow, Stroizdat Publ., 1991. 368 p. (In Russian)
- 16 *Problemy vospriyatiya prostranstva i prostranstvennykh predstavlenii* [Problems of perception of space and spatial representations]. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR Publ., 1961. 200 p. (In Russian)
- 17 Puchkov M. V. *Gorod i gorozhane: obshchestvennye prostranstva kak moderator povedeniya liudei* [City and citizens: public spaces as moderator of human behavior]. *Arkhitekton. "Izvestiya vuzov"*, 2014, no 45, pp. 34–43. (In Russian)
- 18 Saimonds Dzh. O. *Landshaft i arkhitektura* [Landscape and architecture]. Moscow, Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu Publ., 1965. 193 p. (In Russian)
- 19 Strigankova E. Iu. *Kommunikatsiya i sotsializatsiya v formiruiushchimsya informatsionnom obshchestve: sotsial'no-filosofskaya refleksiya protsessov vzaimodeystviya* [Communication and socialization in the emerging information society: social and philosophical reflection on interaction processes]. *Vestnik PAGES*, 2014, no 3 (42), pp. 116–123. (In Russian)
- 20 Fleri A. *Ulitsa kak geograficheskii ob"ekt* [Street as a geographical object]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2009, vol. 8, no 3, pp. 30–36. (In Russian)

- 21 Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Discipline and punish. The birth of the prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2015. 416 p. (In Russian)
- 22 Kharlamov A. V. *Informatsionnye bar'ery i sotsial'noe otchuzhdenie v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Information barriers and social alienation in the modern communicative space]. *Sovremennoe kommunikatsionnoe prostranstvo: analiz sostoianiia i tendentsii razvitiia* [Modern communication space: analysis of the state and development trends]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU Publ., 2012. 228 p. (In Russian)
- 23 Shilin V. V. *Arkhitektura i psikhologiiia* [Architecture and psychology]. Nizhnii Novgorod, Izdatel'stvo NNGASU Publ., 2011. 66 p. (In Russian)
- 24 Shteinbakh Kh. E., Elevskii V. I. *Psikhologiiia zhiznennogo prostranstva* [The psychology of living space]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2004. 239 p. (In Russian)
- 25 Shtompka P. *Sotsiologiiia. Analiz obshchestva* [Sociology. Analysis of companies]. Moscow, Logos Publ., 2005. 664 p. (In Russian)
- 26 Shubenkov M. V. *Strukturnye zakonomernosti arkhitekturnogo formoobrazovaniia* [Structural regularities of architectural shaping]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2006. 320 p. (In Russian)
- 27 *Esteticheskie tsennosti predmetno-prostranstvennoi sredy* [Aesthetic values of the subject-spatial environment]. Moscow, Stroizdat Publ., 1990. 335 p. (In Russian)